

Перевод с английского

21 мая 2020 г.

Исх. № 13/20-2105

**Министру юстиции
Кыргызской Республики
М.Джаманкулову**

Уважаемый Марат Тургунбаевич!

От имени Human Rights Watch свидетельствую Вам свое уважение.

Как Вам известно, Human Rights Watch является независимой международной организацией, которая отслеживает ситуацию с правами человека более чем в 90 странах мира. Мы не получаем финансирования из правительственных источников. Наша организация проводила исследования положения прав людей с инвалидностью в десятках стран по всему миру.

Мы высоко ценим сложившийся конструктивный диалог с Вашим Министерством по различным вопросам прав человека. С октября 2019 г. по март 2020 г., мы проводили в Кыргызстане исследование о соблюдении прав детей с инвалидностью в учреждениях интернатного типа. В ходе проводимой нами работы выяснилось, что многих институционализированных детей с инвалидностью по достижении совершеннолетия признают недееспособными, после чего либо переводят во взрослый психоневрологический интернат, либо передают под опеку одному из родственников, который становится его законным представителем.

В духе конструктивного сотрудничества любезно просим Вас разъяснить существующие механизмы и порядок признания лица недееспособным в

Кыргызстане. С тем чтобы мы могли всесторонне отразить позицию и информацию Министерства в итоговом докладе, который мы планируем опубликовать осенью текущего года, мы были бы весьма признательны за получение ответов на нижеперечисленные вопросы **не позднее 15 июня 2020 г.**

Вопросы, касающиеся дееспособности

1. Что служит основанием для инициирования процедуры признания человека с инвалидностью недееспособным по достижению им совершеннолетия?
2. Сколько взрослых людей с инвалидностью в Кыргызстане признаны недееспособными? Сколько из них лишены полной дееспособности и сколько – частичной дееспособности?
3. Существует ли законное требование на личное присутствие лица в судебном заседании о признании его недееспособным? Какие существуют исключения?
4. В случае личного присутствия человека с инвалидностью в судебном заседании о признании его недееспособным предусмотрены ли какие-либо механизмы суппортивного принятия решений в интересах обеспечения полной реализации им своих прав?
5. Все ли судебные решения о признании недееспособным человека с инвалидностью подлежат проверке пересмотру? Если да, то были бы признательны за разъяснение процедуры пересмотра. Сколько решений о признании лица недееспособным было проверено пересмотрено судами в Кыргызстане за последние три года?

6. Какие существуют механизмы защиты людей с инвалидностью от нарушений их прав, злоупотреблений и/или отсутствия заботы в ситуациях, когда их решения, выбор и предпочтения определяются опекуном?
7. Какие меры принимаются для замены субститутивного режима принятия решений (передача законного права принятия решения опекуном) на суппортивный (обеспечивающий помощь в принятии лицом самостоятельного решения) в соответствии со статьей 12 Конвенции о правах инвалидов?
8. Какие шаги предприняты Кыргызстаном для формирования самостоятельности и необходимых навыков у людей с инвалидностью, с тем чтобы они могли реализовать свое право на дееспособность?

Благодарим Вас за внимание к данному письму и надеемся получить ответы на поднятые в нем вопросы. Всю корреспонденцию любезно просим направлять г-же Лоре Миллз (millsl@hrw.org, +1-917-836-9883) и/или г-же Айчурек Курманбековой (+996 555991023). Любые вопросы, относительно содержания настоящего письма, можно также адресовать им.

С уважением,

Хью Уильямсон
исполнительный директор
Отделения Human Rights Watch
по Европе и Центральной Азии